

Кулиш П.А.

Черная рада
Хроника 1663 года

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
К90

К90 **Кулиш П.А.**
Черная рада: Хроника 1663 года / Кулиш П.А. – М.: Книга по Требованию,
2013. – 255 с.

ISBN 978-5-518-00637-9

ISBN 978-5-518-00637-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

—Врагъ его знаетъ , говорилъ кто-то , взбираясь , какъ казалось , не безъ труда по скривучей лѣстницѣ къ оконцу, —какой теперь шумный народъ насталъ! Прибѣдетъ, Богъ знаетъ , кто , Богъ знаетъ , откуда , и стучитъ , какъ въ свои собственныя ворота. А лѣтъ какихъ ишбудь пятнадцать назадъ , тотъ же самый народъ сидѣлъ тихо и смиренно, какъ пчелы въ зимовникѣ.... Ге, то-то и есть! когда бѣ окаянныя Ляхи не встревожили козацкихъ ульевъ, то и до сихъ поръ такъ бы сидѣли.... Худо было при Ляхахъ, да уже-жъ и наши гуляютъ не въ свою голову!... Охъ, Боже правый , Боже правый!... Кто тамъ стучитъ? Кому это такъ нужно припало?

—Это Василь Невольникъ , сказалъ старикъ , не глядя на своего спутника.—Все тотъ же, что и прежде!

—Кто тамъ стучитъ? спрашивалъ громче прежняго Василь Невольникъ, высунувши въ оконце голову.

—Да полно тебѣ допрашивать ! отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторой досадою —Не бойся, не Татаре!

—Боже правый! воскликнулъ Василь Невольникъ, что жъ это такое?... это Павлочскій полковникъ Шрамъ! (1) Что жъ тутъ дѣлать? Отворять сперва ворота, или бѣжать къ пану?

—Отвори сперва ворота , отозвался угрюмо Шрамъ, — а потомъ ступай себѣ, куда хочешь.

—Правда , правда , добродѣю мой милый ! сказалъ старый привратникъ, и началъ спускаться внизъ , думая по-своему въ слухъ:—Гора съ горою не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется.... Охъ, не надѣялись мои старыя очи увидѣть еще разъ пана Шрама! а вотъ и увидѣли.... Охъ, Боже правый, Боже правый!

Вслѣдъ за тѣмъ застучалъ засовъ, и отворились ворота, въ которые козаки проѣхали склонась , чтобъ не задѣть за сводъ высокими шапками.

Василь Невольникъ не зналъ , что дѣлать отъ радости бросился къ Шраму, и поцѣловалъ его въ колѣно. Потомъ

(1) Павлочъ—нынѣ мѣстечко въ Сквирскомъ уѣздѣ Киевской губернии. Въ старину это былъ важный пунктъ на театрѣ польско-украинскихъ войнъ.

обратился къ его спутнику: — Боже правый! пане полковнику, это твой сынъ Петръ? Орель, а не козакъ!

Петръ наклонился съ коня и поцѣловался съ Василемъ Невольникомъ.

— Орель, а не козакъ! продолжалъ Василь Невольникъ. — Ну, пап'отче, наградила тебя Господь сыномъ! Что, коли бъ хоть двѣ чайки (¹) такихъ молодцовъ повстрѣчали галеру, гдѣ сидѣлъ я на цѣпи?... Охъ, Боже правый, Боже правый! далась мнѣ та проклятая неволя дѣбре знать! кандалы потеряли руки и ноги, холодное желѣзо пропродало тѣло до костей!

И точно, въ его наружности было что-то такое жалкое, какъ будто онъ былъ только-что вынужденъ изъ галеры. Это былъ низенькій, сгорбленный, худощавый старичокъ. со впалыми, какъ будто къ чему присматривающимся глазами. Онъ былъ одѣтъ въ синій казакскій и старые, полотняные шаровары, но и этотъ нарядъ казался на немъ чужимъ.

Петръ соскочилъ на землю и взялъ отъ отца коплъ. Пастбище было тутъ же, потому что хуторъ Череваня былъ не что иное, какъ *левада*, или *пастовникъ*. На горбѣ, между старыми грушами, видѣлись двѣ хаты, съ бѣлыми, низкими стѣнами и высокими, соломенными, позеленѣлыми крышами, надъ которыми стояли черные деревянные дымари подъ рѣзными крышками. Дубовые косяки въ окнахъ вырѣзаны были зигзагами, какіе можно видѣть въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. Двери подъ навѣсами были внизу и вверху уже, чѣмъ по срединѣ, и этою формою напоминали осанистыя фигуры пожилыхъ старшинъ козакскихъ, которые въ нихъ проходили. Тутъ же стоялъ и колодезь съ высокимъ *журавлемъ*, на подобіе глаголя. У колодезя виденъ былъ почеркввшій образъ, съ бѣлымъ, вышитымъ красными узорами *рушникомъ*. За колодеземъ тянулся весь увитый хмѣлемъ плетень, ограждающій садъ, пѣвку и огородъ отъ вторженія телятъ, которыя паслись между

(1) Такъ назывались лодки, въ которыхъ плавали Запорожцы по Черному морю.

деревьями. Левада скатывалась съ гѣрба въ низину, гдѣ изъ-за зеленого камыша блестяла запруженная вода и выглядывала почернѣвшая, стромкая, съ двумя шпильми, крыша шумящей мельницы. Усадьба Черевана съ трехъ сторонъ была защищена топкими камышчатыми берегами рѣчки, а съ четвертой деревянною башнею и валомъ. Въ случаѣ опасности, пастухи сгоняли сюда овецъ, рогатый скотъ, лошадей, а сами брали мушкеты и пищали, которыхъ у Черевана хранилось въ башнѣ немало, и готовы были отстрѣливаться хоть цѣлый мѣсяць отъ Татаръ, или отъ бродячей *затяжной* роты Ляховеъ. Тѣ и другіе появлялись въ Кіевскихъ окрестностяхъ, какъ метеоры, и слухъ объ нихъ могъ прійти въ Хмарище во всякое время. Но теперь все въ хуторѣ было тихо; пчелы жужжали въ цвѣтущихъ грушахъ; мельница глухо шумѣла; за высокимъ камышемъ раздавались на водѣ крики дикихъ птицъ; а соловьи въ саду всѣ эти звуки ладили одни съ другими. Свѣжесть обняла усталыхъ путниковъ въ этомъ мирномъ и полномъ всякаго добра уголкѣ; разнузданные кони весело заржали.

— Ну веди жь насъ къ пану, Василь, сказалъ полковникъ Шрамъ.—Гдѣ онъ? въ свѣтлицѣ, или въ пѣснкѣ? Я знаю, онъ издавна былъ охотникъ до пчель; а теперь, подъ старость, вѣрно зажилъ настоящимъ пасичникомъ.

— Да, мой добродію, отвѣчалъ Василь Невольникъ.— Благоую часть избралъ себѣ панъ Череванъ. Пускай его Господь на свѣтѣ поддержитъ! Почти и не выходитъ изъ пѣснки.

— Но отъ людей, однакожъ, не отрекся? или уже живеть настоящимъ пустышникомъ?

— Ему отречься отъ людей? отвѣчалъ Василь Невольникъ.— Да ему и хлѣбъ не пойдетъ въ горло, коли не раздѣлитъ съ добрымъ челоѣкомъ. У насъ и теперь не безъ гостей. Э, пан'отче! какой у насъ гость!... Штъ, не скажу—увидишь самъ.

И, отворивъ калитку въ пѣснку, повелъ Василь Невольникъ Шрама узкой тропинкой, подъ густыми вѣтвями деревь.

Но что за лицо былъ этотъ Шрамъ, въ которомъ соединялись два званія, по понятіямъ нашего вѣка вовсе несовмѣстныя?

Былъ онъ сынъ Наволочскаго священника, по фамиліи Чепурниго; воспитывался онъ въ Кіевскомъ Братскомъ училищѣ, и уже вышелъ было изъ училища съ правомъ на званіе священника. Но тутъ поднялись козаки противъ шляхты, подъ предводительствомъ гетмана Остряницы, и молодой поповичъ очутился въ козацкихъ рядахъ. Онъ былъ горячей природы человѣкъ, и не усидѣлъ бы въ своемъ приходѣ, слыша, какъ льется родная кровь за безбожное ругательство надъ Украинцами польскихъ *консистентовъ* (1) и урядниковъ, за оскорбленіе греко-русской вѣры отъ католиковъ и уніатовъ. Тогда безурядица въ Польщѣ дошла до того, что каждый староста (2), каждый ротмистръ, каждый знатный человѣкъ дѣлалъ все, что приходило ему въ шальную голову, а особенно съ народомъ безоружнымъ, мѣщанами и пахарями, которые не имѣли никакихъ средствъ ему сопротивляться. Квартировавъ въ городахъ и селахъ, начали *жолниры* (3) требовать отъ народа беззаконныя *окормы* и *напитки*, начали жонъ и дочерей козацкихъ, мѣщанскихъ и мужичьихъ безчестить и тиранить, людей зимою, въ трескучіе морозы, запрягать, при ломкѣ льда, въ плуги, а Жидамъ приказывали ихъ погонять, чтобъ они плугами ледъ «безпотребно на одинъ смѣхъ и наругу орали и рисовали» (4). Между тѣмъ помѣщики-католики, а вмѣстѣ съ ними и наши отступники вѣры, старались ввести на Украинѣ унію, и не въ одну церковь, противъ желанія народа, поставили священникомъ уніята; греко-русскую вѣру называли мужицкою вѣрою; а отдавая на аренду Жидамъ села, не разъ вмѣстѣ съ селами отдавали

(1) Такъ назывались польскія войска, которыя *консистовали*, или стояли постоємъ, въ украинскихъ селахъ и городахъ.

(2) Старосты были въ родѣ нынѣшнихъ губернаторовъ, съ правомъ пользоваться доходами съ управляемыхъ ими областей.

(3) *Жолнѣры* значило собственно *солдаты*; но подъ словомъ *солдаты* мы разумѣемъ низшіе чины, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло о начальникахъ.

(4) Изъ универсала гетмана Остряницы.

имъ на откупъ и церкви (¹). И некому было на такія ругательства жаловаться , потому что сенаторы , паны и епископы держали въ рукахъ и самого короля ; *городовал* же козацкая старшина принимала сторону старостъ , владѣльцевъ имѣній и ихъ намѣстниковъ и арендаторей , а межъ собою дѣлилась жалованьемъ , которое отпускалось отъ короля и Рѣчи Посполитой (²), по тридцати злотыхъ въ годъ на каждаго реестрового козака . Поэтому реестровые , или городовые козаки (³) были тоже подавлены . Многіе изъ нихъ были обращены насильно въ подданные старостъ и *державцевъ* (⁴); остальные исправляли въ домахъ у своихъ старшинъ всякія работы , какъ крестьяне . Шестъ тысячъ только внесено было въ реестръ , но и тѣ , находясь въ совершенномъ порабощеніи у своихъ старшинъ , болею и неволею держали сторону Поляковъ , и только при Хмельницкомъ единодушно возстали за Украину . При такомъ положеніи дѣлъ , могли ли земляки жаловаться имъ на свои бѣдствія ? .. Жаловались миряне и « благочестивые » священники только далекимъ своимъ землякамъ — козакамъ Запорожскимъ , которые , живя въ дикихъ степяхъ , за Порогами , избирали старшину свою изъ среды себя и не давались въ руки коронному гетману Польскому . Вотъ и выходили изъ Запорожья на Украину , одинъ за другимъ , козацкіе гетманы : Тарасъ Трясило , Павлюкъ , Остринина , съ мечомъ и огнемъ противъ враговъ родного края .

Но не надолго поднимали Украинцы , подъ ихъ знаменами , попкишую голову . Ляхи держались крѣпко за руки съ *недоляшками* (⁵), гасили пламя возстанія быстро и

(1) Киевская коммисія въ своихъ « Памятникахъ » напечатала несколько актовъ , которые свидѣтельствуютъ объ этомъ возмутительномъ произволѣ шляхты Польскаго королевства .

(2) Рѣчью Посполитою , то есть республикою , называлась вся политическая польская система , именно : собственно Польша , Литва и Русь ; Русью же называлась въ Польшѣ Галиція , Подоля , Волынь и Украина . Сѣверную Русь называли Поляки Москвою , или Московскимъ государствомъ .

(3) Городовые козаки составили военную корпорацію , совершенно отличную отъ козаковъ Шловыхъ , или Запорожскихъ , не только по внутреннему устройству , но и по политическимъ убяжденіямъ .

(4) Вотчинниковъ . Старосты польвовались правомъ помѣстныхъ .

(5) Такъ называли тогда отступниковъ вѣры и родины , уступившихъ соб-

опять распоривались съ Украйной по-своему. По вотъ поднялся изъ Запорожья ужасный, неугасимый огонь— поднялся на Ляховъ и на всѣхъ враговъ отечества козацкій батько Хмѣльницкій. Напрасно всполошились старосты и королевскіе комиссары (¹) съ городовыми козаками; напрасно поднялись изъ покойныхъ квартиръ своихъ комиссенты-ротмистры съ своими жолібрами; напрасно вооружали наши *перевертни*-недоляшки надворную свою стражу (²); напрасно придумывали Поляки средства, какъ бы погасить это пламя, и преграждали своими заставами степныя дороги, чтобъ не пустить никого изъ Украйны на Запорожье. Бросаетъ пахарь на нивѣ плугъ съ волами; бросаетъ пивоварь котлы въ *броварь* (³); бросаютъ чеботари, портные и кузнецы свою работу; отцы оставляютъ маленькихъ дѣтей; сыновья безсильныхъ отцовъ и матерей, и всѣ пробираются на Запорожье къ Хмѣльницкому, черезъ дикія степи, скрываясь днемъ въ терновыхъ кустахъ и байракахъ, а ночью направляя свой путь по звѣздамъ. И

ственныхъ земляковъ. Слово *недоляшекъ* означаетъ челоѣка, который до *Ляха* не достигъ еще въ отступничествѣ. Но въ этомъ словѣ выражается больше ненависти и презрѣнія, нежели въ словѣ *Ляхъ*, или *кителікъ*, которые до сихъ поръ остаются браанными словами у малороссійскаго простонародья.

(1) Особенные чиновники для удержанія козаковъ въ повиновеніи.

(2) Въ тѣ времена помѣщичья усадьба необходимо принимала устройство замка, съ болѣе или менѣе значительнымъ гаризономъ, который назывался *надворною стражею*, а иногда *надворными козаками*. Часто нужно было помѣщикамъ отражать Татаръ, а еще чаще защищаться отъ бродячихъ шаекъ такихъ людей, какъ извѣстный во время возстанія Хмѣльницкаго староста Лащъ (явленіе вовсе не исключительное въ Польшѣ). Эти надворные козаки, слабо привязанные къ своимъ панамъ, оставляли ихъ при наступленіи великой опасности и увеличивали собою козацкое ополченіе.

(3) Пивоварилъ Хмѣльныхъ напитковъ выкуривалось и варилось тогда очень много. Корсунскій полковникъ Филопенко, въ извѣстной думѣ, набирая охотниковъ, обращается преимущественно къ винокурамъ и пивоварамъ:

«Ви, віівники, ви, броварники!

Годі вамъ по віівницяхъ горіздкъ куріти,

По броваріяхъ півъ варіти,

Сніною сажі вытрати!

Ходімъ зо мною на Черкѣню—доліну гуліти,

Слѣви—рыцарства козацькому війську доставіти!

тогда-то « разлилась козацкая слава по всей Украинѣ », какъ поютъ наши бандуристы.

Гдѣ же проживалъ, гдѣ скитался Паволочскій поповичъ Шрамъ во все эти десять лѣтъ отъ Остеряницы до Хмѣльницкаго? Много заняла бы мѣста подробная о немъ повѣсть. Сидѣлъ онъ зимовникомъ, то есть жилъ хуторомъ, среди дикихъ степей въ Низовьяхъ Днѣпра; проповѣдывалъ онъ божію правду рыбакамъ и чабанамъ (пастухамъ) запорожскимъ; побывалъ онъ на полѣ и на морѣ съ Запорожцами; видалъ не разъ и не два смерть въ глаза, и закалился въ военномъ ремеслѣ такъ, что Хмѣльницкій, поднявшись на Ляховъ, имѣлъ въ немъ крѣпкую опору. Никто лучше Шрама не водилъ козаковъ въ схватку: никто, такъ какъ онъ, « не вертѣлъ Ляхамъ веремѣя » (1). Въ такихъ-то случаяхъ исполосовали ему шрамами все лицо, и козаки прозвали его за то Шрамомъ. Это названіе такъ хорошо ему пришло, что никто и не вспоминалъ реестрового его имени. Впрочемъ, и въ реестрахъ записанъ былъ онъ не отцовскимъ именемъ. Въ ту отчаянную войну козаки били на удачу: или панъ, или пропалъ; и потому не каждый вписывался въ реестръ подъ собственнымъ фамильнымъ прозвищемъ.

Но вотъ миновали, какъ короткіе святки, десять лѣтъ Хмѣльничины. Уже и сыновья Шрамовы подросли и служили при отцѣ въ походахъ чурами (2). Двое изъ нихъ легло въ битвѣ подъ Смоленскомъ; остался только Петръ. Еще и по смерти Хмѣльницкаго не разъ ходилъ Шрамъ на Ляховъ и Татаръ; но потомъ, чувствуя упадокъ силъ, сложилъ съ себя « полковничій урядъ », принялъ постриженіе въ священники, и прилѣпился всею душою къ церкви. « Теперь ужъ Украина », думалъ онъ, « Ляховъ отблагодарила, недоляшкось прогнала воиъ, унию уничтожила, Жи-

(1) Выраженіе козацкое. Это значило—цалетѣть вьюгою; одурить непріятелю голову внезапнымъ и бѣшенымъ нападеніемъ.

(2) Оруженосцами. Чурь были самые близкіе повѣренныя не только у простыхъ козаковъ, но и у старшинъ. Служить чурою значило учиться не одному военному ремеслу, но и вѣрности. Отъ своихъ чуръ козаки ничего не скрывали.

довъ передумала. Пускай теперь живетъ умомъ громадскимъ» (1).

Послѣ военныхъ буръ и общественной дѣятельности въ санѣ полковника (2), Шрамъ полюбилъ тишину домашней жизни. Въ случаѣ надобности, онъ посылалъ въ походы сына, а самъ хозяйничалъ на сѣнокосахъ и поляхъ, сиживалъ одинокимъ пустышкой въ пасикѣ, а въ праздники молился съ народомъ Богу, и потомъ распивалъ съ старыми пріятелями меды и наливки; любилъ изрѣдка посѣтить хуторъ такого жъ, какъ и самъ, пасичника, заброшенный въ какомъ нибудь глухомъ байракѣ, чтобы помилуть за чаркой старину; любилъ и у себя въ хатѣ, увѣщанной, по тогдашнему, оружіемъ, употчивать далекаго и близкаго гостя; словомъ—велъ такую жизнь, о какой только можетъ мечтать козакъ подѣ старость.

Такъ думалъ онъ окончить дни свои; думалъ, что Малороссія наконецъ успокоится отъ войнъ, опустошавшихъ ее въ теченіи полувѣка. Но этой странѣ предназначено было долго еще волноваться, горѣть пожарами и обливаться кровью. Сперва замутилъ козацкія головы хитрый Выговскій; потомъ недостойный сынъ Хмельницкаго, Юрій, своимъ слабодушіемъ далъ Полякамъ возможность схватиться снова за Украину. Преемникъ Юрія Хмельницкаго, Павелъ Тетера, радъ былъ отдать имъ во власть все безоружное населеніе края, лишь бы только удержатъ за собою лестное имя козацкаго гетмана. Уже польскіе паны, пользуясь его потачкою, входили въ старыя свои права

(1) *Громада*—общество. Громадское или общинное начало было развито нѣкогда очень сильно въ Малороссіи. Въ каждомъ селѣ были еще въ царствованіе Елисаветы Петровны избирательныя власти подѣ именемъ *громадскихъ мужей*, которые пользовались великимъ уваженіемъ въ народѣ. Старшинная дума говоритъ:

«Тогодъ не знали ні чуръ козацькнй,
Ні мужи громадськнй,
Щодъ панъ Хмельницькнй...»

У городѣ Чигиринѣ залувавъ вже й загадавъ.»

(2) Полковникъ былъ не только предводитель козаковъ своего полка, но и верховный судья всѣхъ живущихъ въ округѣ того полка; по обширности своей власти, онъ былъ равенъ удѣльному князю.

на западной сторонѣ Днѣпра; подъ ихъ защитою и Жиды начали прибирать къ своимъ рукамъ откупа и разныя отрасли промышленности. Старый Шрамъ видѣлъ, къ чему это клонится; душа его возмущалась страшными опасеніями. Лучшая часть Малороссіи, по Днѣпръ, именно та, которая всего больше употребила усилий для соединенія съ Московскою Русью, готова была отпасть отъ нея въ добычу шовѣрцамъ. Всего грустнѣе было предчувствовать это сподвижнику Хмѣльницкаго, и онъ рѣшился противоудѣйствовать Тетерѣ всѣми возможными мѣрами.

Онъ предостерегалъ простолюдиновъ отъ обольщеній противъ — московской партіи, и поселялъ недоувѣрчивость и нелюбовь къ гетману въ козакахъ, на которыхъ всегда имѣлъ великое вліяніе. Наконецъ, когда умеръ Павлочскій полковникъ, и на полковой радѣ (вѣчѣ) зашелъ вопросъ, кого избрать на его мѣсто, Шрамъ явился въ своей рясѣ на раду, и сказалъ козакамъ такое слово:

— Дѣти мои! наступаютъ времена грозныя: скоро опять перекреститъ насъ Господь огнемъ да мечомъ. Нужно вамъ теперь такого полковника, который бы зналъ, кто волкъ, а кто лисенца. Нужно вамъ теперь не такъ рука, какъ голова, да такая голова, чтобъ знала прежнее и смекала о будущемъ. Послужилъ я православному Христіанству при батькѣ Хмѣльницкомъ; послужу вамъ, дѣти мои, еще и теперь, коли будетъ на то ваша воля.

Всѣ пришли въ восторгъ отъ такого предложенія. Шрама прикрыли шапками и знаменами, вручили ему полковничьи клейноды (2), и провозгласили передъ всѣмъ народомъ полковникомъ, при пунечной палѣбѣ и трубной музыкѣ.

Гетманъ Тетера съ досадою узналъ объ этомъ непредвидѣнномъ избраніи, но не былъ силенъ уничтожить опредѣленіе полковой рады, такъ какъ рада—выражаясь словами народа—была старше гетмана. Прислалъ Тетера Шраму подтвердительный свой универсалъ на титуло полковника, и оба они сохраняли видъ пріязни, но втайнѣ наблюдали подозрительно каждое дѣйствіе другъ друга. Наконецъ

(2) Такъ назывались знаки власти: булава, бичукъ и литавры.

Шрамъ задумалъ что-то рѣшительное, распустилъ слухъ о своей болѣзни, и, сдавши управленіе полкомъ и городомъ своему зсаулу Гулаку, выѣхалъ изъ Павлочи, будто бы въ одинъ изъ дальнихъ своихъ хуторовъ *на покой*. Въ тѣ времена рѣдко прибѣгали въ недугахъ къ другимъ лѣкарствамъ, кромѣ покоя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чи вждъ жь дармо та безшасна Украина Бѣгови молила,
Щобъ мцнѣ Его воля съ-пѣлъ кормиги Лядської слобониѣ,
На позѣрь да паругу невѣрнимъ не давала,
Щасгьемъ подѣлила...
Чи вждъ жь дармо вона Бѣгови молила?

Народная дума.

Войдя въ пѣсику, Шрамъ помолился передъ образомъ святаго Зосимы, покровителя пчелъ. Образъ стоялъ на высокомъ ульѣ подъ небольшимъ навѣсцемъ, который защищалъ святаго Зосиму отъ дождя, и сверхъ того образъ прикрытъ былъ, на подобіе рамки, бѣлымъ рушникомъ, разшитымъ красными нитками.

Василь Невольникъ былъ преданъ душою святому Зосимѣ (1), и, пока Шрамъ тихо молился, онъ благословлялъ Бога и его угодника за то, что они научили людей пчеловодству. Онъ вѣрилъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, что въ старину пчелы были извѣстны только какимъ-то *Плясовицалѣ*, который при восходѣ солнца, мѣсяца и звѣздъ плясалъ на нашихъ степныхъ могилахъ: святой Зосима, по повелѣнію божію, служилъ у нихъ пасечникомъ и потому научилъ весь народъ обходиться съ пчелами. Объ этомъ-то подвигѣ святаго распространился было Василь

(1) Старосѣтскіе Малороссіиане подъ конецъ жизни большею частію пристраивались къ пѣсикъ. Такъ славный кошевой отаманъ Сиргѣ оковчилъ дни свои въ уединенномъ зимовникѣ среди стѣней запорожскихъ, занимался пчеловодствомъ.